
Куда уходит вода
Сара Ульянова

Сара Ульянова

Куда уходит вода

«Автор»
2026

Ульянова С.

Куда уходит вода / С. Ульянова — «Автор», 2026

Она мечтала уехать учиться. И была уверена, что домой всегда можно будет вернуться.Теперь вода поднимается, а родной город готовят к переселению. Семье предлагают квартиру и работу - с обязательствами на шесть лет. Для отца это шанс наконец выдохнуть. Для дочери это будущее, которое выбрали без неё.Девушка устраивается в группу, обследующую места переселения, и ищет другой выход.Пока город собирает вещи, ей предстоит понять, почему даже любящие люди выбирают разные дороги. Можно ли уберечь близких, не решая за них? И что делает место домом, когда всё знакомое приходится оставить?

© Ульянова С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Дом и ошибочный выход 5
Глава 1 Назначение 5
Глава 2 До восемнадцатого 11
Глава 3 Освободившееся место 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Куда уходит вода

Часть I. Дом и ошибочный выход

Глава 1 Назначение

Крышка опять не закрывалась.

Соня опустила её медленнее, стараясь поймать то положение, в котором всё сошлось при отце. Край лёг на место, а у ближнего угла осталась щель. Внутри лодочного ящика было темно; на дне, среди пустых пакетиков от крючков, белела её стружка. Доставать её пришлось бы потом, лёжа поперёк скамьи.

Она провела пальцем по кромке. Здесь ещё держалась шероховатость, которую чувствовала ладонь, хотя глаз уже не замечал. Можно было снять лишнее. Совсем чуть-чуть.

— Погоди строгать, — сказал отец. — Снизу посмотри.

Под крышкой торчала ручка отвёртки.

Вытащив её, Соня попробовала снова. На этот раз угол опустился ровно. Отец, занятый у верстака, даже не обернулся.

Досаднее всего было, что полчаса назад она сама положила туда отвёртку, чтобы не искать. Теперь её стоило убрать так, чтобы отец не заметил. Поздно: он коротко хмыкнул.

В мастерской пахло нагретой солнцем древесиной. Солнечная полоса добралась от раскрытых ворот до лодочного борта. В свете кружилась тонкая пыль и оседала на вспотевшей шее. За воротами, на бетонном спуске во двор, лежали две старые шины. По ним хозяева всегда понимали, куда сдавать прицеп, хотя отец каждый раз выходил и показывал руками.

Лодка приехала утром и оставалась на прицепе. Старую крышку хозяин завёз раньше, так что Соня ещё вчера успела выпилить новую по отцовским замерам. Сегодня он проверил посадку и отдал ей доводить край. Саму крышку потом никто бы не заметил. Рыбак бросит на неё сумку, поцарапает пряжкой, оставит на солнце. Ей хотелось дождаться, когда хозяин откроет ящик, — увидеть хотя бы это первое движение.

Виктор Горин работал за длинным верстаком под окнами. Верхние стёкла там были прозрачными, нижние давно побелели от царапин и пыли. Через них нельзя было различить человека во дворе, зато слышно было всё: как он заглушил мотор, вылез, дёрнул заднюю дверцу. По этим звукам отец узнавал клиентов раньше, чем они входили.

Узнав нынешнего, он поставил на пол коробку с крепежом и вытер руки о висящее у верстака полотенце.

— Ну, показывай, — сказал хозяин лодки Соне.

Она подняла крышку за вырез. В тесный ящик уже вернули его вещи, убрав опилки. Хозяин заглянул внутрь, захлопнул и надавил ладонью.

— Хорошо. А то всё за штанину цеплялась.

Он достал телефон и повернулся к отцу — рассчитываться. До зимы эта крышка теперь никого не займёт. Удовольствие от работы всё равно осталось: ровный светлый край под грязноватой зелёной краской борта, свободное движение, которого утром не было.

Хозяин задержался у ворот. В багажнике у него обнаружилась ещё деревянная рамка от теплицы, перевязанная шнуром. Он рассчитывал её оставить, раз уж всё равно приехал. Там на один угол работы, а стекло он сам потом вставит. До следующей недели вполне потерпит.

Отец посмотрел на рамку, затем в сторону стеллажа. На нижней полке уже стояли две чужие табуретки, которые здесь никогда не ремонтировали за деньги. Одну привезли вместе с мотором, вторую — по пути, потому что мастерская рядом. Соня помнила вторую табуретку

ещё с детства: вставала на неё коленями и тянулась к верхней полке. Потом вытаскивала из кожи занозы.

— Оставляйте, — сказала она. — Мы ещё работаем.

Отец не стал поправлять её при клиенте. Помог вытащить рамку, поставил под стену и спросил, когда за ней заедут. На этом разговор кончился. Прицеп вышел из двора, качнувшись на выбоине; лодочная корма медленно повернулась за угол.

Рамка осталась у Сони под ногами. У сгнившего стыка можно было просунуть палец между планками. Если просто притянуть его, дерево раскрошится. Понадобится новая деталь, а подходящий обрезок ещё надо найти. Она уже присматривала один на стеллаже, когда отец сказал:

— На сегодня хватит. Убери своё.

Вместо рамки пришлось подбирать стружку. Отодвинув коробку с крепежом, Соня увидела под ней ещё горсть стружки, мелкой, как пшеничная крупа. Сколько ни подметай, отец наутро всё равно находил, где она пропустила.

После закрытия мастерская была слышна иначе. Капала вода в умывальнике, где кран требовалось приподнять за носик; на крыше шуршал тополь. Соседский сварочный аппарат затих, и стали доноситься голоса от домов за пустырём. Кто-то звал есть, кто-то ругался с ребёнком из-за велосипеда.

На стене возле выключателя висели отцовские шаблоны. Самые старые были вырезаны из упаковочного картона, с чужими цветными буквами по краю. Соня знала, какой нужен для круглого лючка, какой — для сиденья, у которого один угол всегда приходилось подгонять на месте. Часть отец не брал годами, но выбросить не позволял. На одном с обратной стороны был её школьный рисунок: человек в красной шапке среди деревьев. В третьем классе она обиделась, что отец порезал картину, а потом гордилась, когда этот кусок картона доставали для настоящей работы.

Для мастерской в Пороге понадобились бы новые.

Мысль появилась слишком готовой, и Соня разозлилась на неё. Никакой мастерской там пока не было. Отец только утром сказал, что пришло назначение, а она уже представляла другой свет в окнах, новый верстак, чужую стену без её леса.

Она закрыла ворота, оставив калитку для отца, и пошла домой длинной дорогой, через Транспортную.

До реки отсюда было недалеко, но саму Вересь скрывало обвалование. Из-за него торчала стрела крана у старого причала. Раньше они с подругами ходили на вал посидеть на тёплой земле над водой. Теперь вдоль подъёма натянули сигнальную ленту; служебная машина уезжала, оставив в колее две блестящие полосы. По другую сторону вода стояла высоко. В мастерской это обсуждали каждый день, и каждый, кто приносил что-нибудь чинить, знал лучше остальных, сколько ещё у города времени.

Соня свернула к домам. Сандалии набились пылью, между лопаток высыхал пот. В тени ограды пахло мокрой крапивой. На Транспортной снова текла колонка, и вода бежала по канаве мимо доски с объявлениями о переселении. Бумажные листы там прикрыли прозрачным пластиком. В прошлом году они размокали, приходилось заново печатать.

Дату окончания переезда — двадцатое августа — Соня уже видела на школьных дверях, в магазине и в строке местных новостей. На плакате было больше слов, но взгляд цеплялся за дату. До неё оставалось почти всё лето. После прежних паводков полностью восстанавливать защиту и сети Луговска больше не собирались; деньги направляли на переселение. Взрослые всё равно торопились: в городе один за другим закрывались места, которые были нужны ещё вчера.

Из мастерской по ремонту обуви напротив магазина выносили полки. С улицы помещение теперь просматривалось насквозь, до заднего окна. Прежде обзор закрывали полки с сапо-

гами. Бывшая хозяйка стояла рядом с открытой машиной и держала обеими руками пустой кассовый ящик. Соня поздоровалась. Та кивнула и снова оглядела вынесенные вещи.

Через два дома на улице поливали огурцы. Вода переливалась через бортик грядки, и маленький мальчик ковырял струю пластмассовой лопаткой. Стулья вынесли на обычные места под яблоней, только за спинками стояли мешки с одеждой. Соня заметила среди веток чужую ладонь, махнула в ответ и пошла быстрее, чтобы её не задержали вопросом про экзамены.

Школу она уже окончила, а во дворе по-прежнему могла услышать, хорошо ли написала математику, не поздно ли возвращается и зачем постригла волосы. В Остене никто бы этого не спрашивал. Там можно было войти в аудиторию, назвать фамилию и сесть рядом с человеком, который ещё ничего про тебя не знает.

Когда Соня представляла себе это, луговский дом оставался на месте. От колледжа шла длинная дорога к их крыльцу; на каникулы она приезжала бы без предупреждения и ещё с крыльца слышала бы, как отец работает в мастерской. Мать она застала бы дома или в столовой.

На самом крыльце лежала кучка вымытых пластиковых контейнеров. Мать вернула их из школы: в столовой продолжали кормить детей дневной группы, хотя большинство классов опустело. Дверь оставили открытой, чтобы выветривался кухонный жар. В прихожей пахло укропом.

Наталья Горина стояла у плиты в домашних брюках и школьной рабочей футболке. На спине у неё, прямо под воротом, темнело пятно пота. Соня потянулась взять кусок огурца с доски и получила мокрой тряпкой по руке.

— Сначала отмойся. Там твоя стружка сейчас во всём будет.

В ванной горячую воду пришлось подождать. Пока та шла по трубам, Соня оттирала с запястья белёсый след клея. Над стиральной машиной стоял старый таз. Его держали там с весны, когда вода неделю попадала в подпол и приходилось всё время что-нибудь отмывать, сушить, переставлять. Сам подпол уже высох, но таз так и не убрали. В новом жилье, наверное, не будет этих мест для вещей, которые однажды понадобились и остались навсегда.

Соня переоделась и вернулась на кухню. Между тарелками мать положила планшет, открытый на плане квартиры.

Поначалу Соня увидела только ровные линии. Прямоугольная прихожая, ванная напротив, две комнаты и кухня, в которую входили отдельно. За одной стеной была нарисована узкая полоска балкона. Их собственные комнаты за годы переделок обзавелись уступами, закутками и дверью, упиравшейся в шкаф. На этом плане ничего не упиралось.

— Покрупнее сделай, — попросила мать. — Где кухня.

Соня раздвинула пальцами изображение. Наталья подалась ближе, заслонив экран ладонью от света из окна. В квартире была настоящая ниша под холодильник. Дома он занимал часть прохода, поэтому, когда доставали противень, Соню обычно просили встать и отодвинуться.

Такое место могло понравиться. От этого стало неприятнее.

Отец пришёл, когда они уже сели. Сначала отмылся, потом долго вытирал руки кухонным полотенцем, глядя на увеличенный план. У него были тёмные царапины на сгибах пальцев, которые даже после мыла оставались видны.

В назначении значились Порог, конкретный адрес, квартира на третьем этаже. Въезд — двадцатого июля. Для Виктора Григорьевича Горина было предварительно согласовано место в дневной ремонтной бригаде промышленного узла. Подтвердить пакет следовало до двенадцати часов восемнадцатого июня. Потом квартиру могли передать другой семье. Соня перечитала: через три дня.

— У меня до конца месяца заказы, — сказал отец.

Соня потянулась к планшету, решив, что отец говорит об июльских заказах. Но он имел в виду нынешний месяц, июнь. Она отложила планшет.

— До въезда успеешь, — сказала мать. — Что уже обещал.

Соня подумала о тепличной рамке. Мать о ней пока не знала.

За окном стучало: сосед через двор разбирал навес, сохраняя доски. На каждый удар стекло в кухонной двери отзывалось негромким звоном. Отец подсунул под дверь свёрнутую салфетку, которую держали для этого на подоконнике, и вернулся к еде.

Предложение он листал медленно. Задержался на перечне обязанностей, открыл сведения о бригаде, затем вернулся к условиям проживания. Мать спросила, есть ли в Пороге работа для неё. На странице имелся список вакансий по семейному назначению, но столовую и конкретную смену нужно было ещё уточнять.

— Может, мне опять в школу, — сказала она. — Если там люди нужны.

— Там же заводская столовая есть, — отозвалась Соня.

Мать посмотрела на неё так, будто это Соня уже выбрала за неё завод.

В назначении квартира выглядела готовой. У работы отца было название, у его смены — время начала и конца. Можно было выйти из цеха и больше не отвечать на звонки про срочную деталь, которую обязательно привезут вечером. Соня знала, как отец раздражался на такие звонки. Ещё она знала, что он всегда разрешал приехать. Без него человек оставался бы на берегу и терял рабочий день, а кто-то вообще приезжал только поговорить.

На новой работе за материалы отвечал склад. Ей попалось это в описании, и она прочла отцу вслух. Он кивнул с таким видом, словно именно здесь всё было правильно.

— А своё ты куда денешь?

— Сначала надо понять, что там. Ты ешь, остынет.

Соня уже съела и сидела над пустой тарелкой. Отец этого не заметил.

В их дворе помещались все знакомые занятия. Нужно было пройти мимо сарая, перелезть через низкую поперечину — отец всё собирался её снять — и выйти на пустырь к мастерской. В Пороге до ремонтного цеха ходил служебный автобус. На странице был даже его маршрут. Возить людей оказалось легче, чем объяснить, что делать с освободившимся двором, с картонами на стене, с рамкой, которую она сегодня приняла.

Она нашла условия досрочного ухода. За шесть лет работы погашались расходы на переезд и предоставление квартиры. При увольнении раньше срока пришлось бы вернуть непогашенный остаток или согласовать перевод. Подробная таблица открылась отдельным файлом; Соня не стала скачивать её при родителях. Шесть лет. К этому времени она уже могла окончить колледж, устроиться в порту, научиться такому, чего отец ещё не делал. А его всё ещё будут ждать на этой смене.

Мать забрала планшет и положила подальше от тарелок.

— По Остену тебе ответили?

Соня ответила, что заявление приняли. К десятому июля надо дослать обмеры и эскиз ремонта крепления лодочного сиденья, потом приехать на экзамен пятнадцатого августа. Про общежитие пока только общая страница. Место давали после поступления; на время испытания можно было подать отдельный запрос.

Наталья выслушала всё, помолчала и стала соскребать с противня приставшую картошку.

— Посмотрим, сколько на дорогу, сколько там жить. Нам самим ещё переезжать.

Мать не отказывала. Именно это и мешало спорить: ей оставляли будущее, в которое пока не получалось попасть.

— Там семейный приоритет есть, если ребёнок учится, — сказала она.

— Ты ещё не поступила, — ответил отец.

Он сказал это спокойно, снова придвинув к себе планшет. До экзамена ещё два месяца, а Порог нужно подтвердить через три дня.

После зачисления можно было просить о семейном назначении в учебный округ, если там находилась работа для взрослых. В Остене наверняка тоже чинили лодки. В порту их было гораздо больше, чем здесь. Отец мог бы найти мастерскую, мать — столовую, а она жила бы рядом с колледжем. Квартира на плане, прежде казавшаяся чужой, уже годилась и для Остена: достаточно было мысленно перенести её вместе с балконом и нишей под холодильник.

— Заполни у себя, что подала, — сказал отец. — Там в семейном деле ещё пусто. У меня твой номер заявления не записан.

Она кивнула. В прошлый раз уже вносила в эту часть сведения о школе. Учебные данные уходили на предварительную сверку отдельно от назначения, которое подтверждали родители. Их договоры и подписи были на других страницах.

Когда мать убрала посуду, планшет достался Соне. Отец ушёл во двор звонить заказчику. Она слышала из открытого окна только его короткое «да» и «утром», потом стало тихо.

В комнате ещё оставалась стопка тетрадей на полу возле шкафа. После последнего экзамена Соня собиралась разобрать их, но всякий раз находила занятие лучше. Учебники, приготовленные для сдачи, лежали отдельно; одна бумажная обложка отогнулась, зацепившись краем за ножку стула. Можно было уже освободить полку, только она пока не представляла, что на неё поставить.

Из окна виднелся кусок пустыря и тёмный прямоугольник ворот мастерской. За ними под стеной стояла рамка. Утром отец, наверное, начнёт с неё — сначала скажет, что материала подходящего нет, потом найдёт.

Соня открыла заявку колледжа. Номер стоял наверху рядом с фамилией: ей приятно было видеть её в чужом оформлении, без школьного списка и привычного соседского имени. Она скопировала цифры и вернулась в семейное дело.

В разделе образования нужно было выбрать статус. Последний сохранённый относился к школе; ниже предлагались «Заявление подано» и «Зачислена». Если отметить первое, появлялась строка для номера заявки. У второго были другие поля: учебное учреждение, номер приказа.

Она выбрала «Заявление подано». Вставила номер. Название колледжа нашлось по первым буквам, вместе с ним появился учебный округ Остена. Рядом серым оставалось пояснение: основание для изменения семейного приоритета подтверждается образовательной организацией.

Соня пролистала вверх. Порог всё ещё стоял в назначении.

Мать жаловалась, что знакомая из бюро второй месяц не может взять отпуск. До Сониной страницы доберутся не сразу. Нужно, чтобы дело сначала попало в Остен: там увидят колледж, умение отца, найдут им работу. Она успеет сдать экзамен по-настоящему. Получится только, что бумага пришла раньше неё.

Она вернулась к списку статусов и выбрала «Зачислена».

Поле с номером заявки пропало. Цифры остались в буфере, и Соня вставила их в строку приказа. Получилось аккуратно, без единой опечатки. От этого стало хуже: заполненная страница выглядела так, будто всё уже произошло и кто-то другой проверил.

Приказа не было. Ей предстоял экзамен пятнадцатого августа, а сегодня было пятнадцатое июня. Между этими датами оставались незаконченный эскиз, незнакомые люди в приёмной комиссии и решение, которое от неё зависело лишь отчасти.

Можно было нажать «Заявление подано» снова. Движение пальца, затем сохранить — отец увидит именно то, что просил. Завтра за столом опять откроют Порог.

За стеной шумела вода. Мать наполняла ведро для пола, и по трубам несколько раз стукнуло. Когда Соня была маленькой, этот стук будил её по утрам; теперь она перестала его слышать. В другой квартире вода пойдёт по другим трубам, мать поставит ведро в незнакомый

угол и тоже привыкнет. Почему-то именно это показалось обидным: они смогут привыкнуть без неё.

Она открыла предпросмотр. Сведения о родителях не изменились, имена стояли на своих местах. Дальше — её имя, колледж, ложный статус и номер, который относился к совершенно другому документу. Внизу кнопка предлагала передать изменения на сверку.

Она коснулась кнопки.

Страница потускнела, затем открылась снова. Появилась отметка о принятии сведений. В строке семейного назначения теперь стояло: «Проверка основания».

Из кухни мать позвала отца помочь переставить стол. Соня заблокировала планшет, положила его на тетради и пошла к ним.

Глава 2 До восемнадцатого

Утром Порог никуда не исчез.

Соня проверила это, ещё не вставая с кровати. Планшет лежал поверх тетрадей, куда она положила его вечером; от окна по чёрному стеклу тянулась белая полоса. Стоило наклонить экран, и в нём отражался потолок с пятном возле лампы. Под отражением открылось семейное дело. Те же фамилии, тот же адрес. Только вместо кнопки подтверждения теперь предлагалось дождаться сверки основания.

Она нашла свой образовательный раздел. Ложное слово оставалось на месте. Никакого знака, что сведения уже приняли в Остене, не появилось.

На кухне отец включил чайник. В мастерскую он уходил раньше, чем мать в школу: в эти часы ещё можно было работать при открытых воротах, не перегревая помещение. Соня подождала, пока хлопнет калитка, и набрала номер приёмной комиссии.

Отвечавшая женщина попросила фамилию, потом настоящий номер заявки. В трубке было слышно, как рядом обсуждают доставку коробок. Соня смотрела на свои голые ступни на половице и пыталась подобрать просьбу так, чтобы та не звучала нелепо. Зачислять её раньше экзамена никто не должен был. Нужна была пока только бумага, которой поверят в другом учреждении.

— Можно подтвердить, что я у вас буду учиться? Для переселения семьи.

— Сейчас мы подтвердим, что вы подали заявление. Больше ничего.

Соня объяснила про восемнадцатое июня. Женщина перестала разговаривать с кем-то в комнате и выслушала её до конца. Срок ничего не изменил. Ни предварительного приказа, ни обещания места до конкурса у колледжа не было. Можно было получить письмо о принятой заявке, отдельно обратиться насчёт ночлега на экзамен и закончить работу, которую нужно дослать к десятому июля.

Она всё же попросила письмо. Пока называла адрес почты, удалось снова почувствовать себя обычной абитуриенткой. Таких просьб у женщины, наверное, было много.

Во время звонка Соня достала из письменного стола лист с наброском лодочного сиденья. Там была ещё незаконченная боковая проекция и вопрос на полях, который она собиралась задать отцу. Лист помогал: у неё действительно была работа, которую могли принять, настоящий срок и номер. Теперь он лежал поперёк планшета и закрывал чужой адрес.

Мать заглянула в комнату уже с сумкой.

— Ты сегодня куда?

— В бюро схожу. Уточню по учёбе.

Наталья попросила потом зайти в столовую, забрать домашние контейнеры. И напомнила поесть, пока сковородка тёплая. Ни про статус, ни про Порог она не спросила. Соня обнаружила, что ждала вопроса, на который можно было бы ответить сразу всем. Вместо этого мать поправила коврик у порога носком туфли и ушла.

До открытия бюро оставалось меньше часа. Соня умылась, положила планшет в тканевую сумку и долго искала среди школьных бумаг паспорт. Он нашёлся в той папке, где всегда лежал. В зеркале прихожей она несколько раз пригладила волосы. В учреждении хотелось выглядеть так, будто она понимает, зачем пришла.

Бюро переселения занимало первый этаж бывшего техникумовского корпуса. Когда Соня была младше, здесь по вечерам горели окна мастерских, из подвала пахло разогретым металлом. Потом учебное заведение перевели в Высокий Берег. Теперь за теми же окнами сидели люди с пакетами документов, а в бывшей раздевалке выдавали номера очереди.

На стеклянной двери сохранилось круглое пятно от старой эмблемы. Новую табличку прикрутили поверх, оставив с одного края видимой букву. Соня толкнула дверь плечом и

попала в прохладный коридор. Снаружи было сухо, но на полу лежали резиновые дорожки: после дождя сюда натекало с обуви, а убрать воду из-под кресел было трудно.

Номер на её талоне был гораздо больше, чем на табло. Вдоль стены сидели пожилой мужчина с полотняной сумкой, женщина, придерживавшая на коленях большой бумажный конверт, и двое рабочих. Один спал, запрокинув голову. Второй без звука смотрел на телефоне короткие записи ремонта машины и иногда поворачивал экран к товарищу, забывая, что тот уснул.

Никто не выглядел человеком, который сегодня решает, где проживёт следующие шесть лет. Люди ждали, меняли положение ног, берегли место в очереди для тех, кто вышел. Возле стены лежал чей-то коврик. Соня сначала приняла его за часть багажа, потом поняла: на нём сидел маленький ребёнок, пока мать разговаривала с сотрудницей.

Планшет она вытащила только один раз. Перечитала письмо, которое уже пришло из колледжа, и спрятала экран. «Заявление принято» было единственным утверждением, за которое здесь отвечали другие люди. Всё остальное вчера вписала она сама.

Когда подошёл её номер, Соня оказалась за столом у женщины с короткой стрижкой. На карточке возле монитора было написано: «Валентина Рогова». На столе стоял большой стакан с остывшим чаем; к ложке присохла чайная полоска. Рогова попросила открыть семейное дело и спросила, кто из взрослых придёт подтверждать назначение.

Соня сказала, что отец занят, а у неё вопрос только по колледжу. Своё имя и фамилию она назвала слишком громко. Женщина за соседним столом на секунду подняла голову.

— Подтверждения от учебного заведения у меня ещё нет. Но есть письмо, что заявление приняли. Можно его приложить?

Рогова прочитала письмо на экране и вернула планшет.

— Приложить можно. Оно подтверждает подачу. В сведениях у вас стоит зачисление.

Соня смотрела на угол стола. На нём темнел след от наклейки с инвентарным номером. Можно было сказать, что выбрала не ту строку, и унести разговор к обычной ошибке. Но женщина уже ждала ответа, а Соня не знала, что последует за признанием: позовут отца, исправят запись при ней, сразу откроют Порог.

— Приказа пока нет, — сказала она.

Рогова пододвинула лист с перечнем необходимых подтверждений. Не стала спрашивать, почему номер приказа уже внесён. Соня не знала, заметила ли она подмену, и боялась поднять глаза.

Учебное заведение должно подтвердить основание. Только потом можно просить пересмотр семейного назначения; при этом в новом округе ещё должны найтись работа и жильё. Предварительная запись сама по себе дело в Остен не передавала.

— А Порог пока подождёт?

Рогова повернула монитор так, чтобы было видно строку с датой.

— Подтверждение приостановлено на время сверки. Срок резерва прежний: восемнадцатое, двенадцать часов. Проверка его не продлевает.

Соня подалась ближе, словно на экране можно было найти ещё одну дату. Её заявление оставалось здесь, у Роговой, и мешало подтвердить квартиру.

Исправить учебные сведения было можно. Для окончательного подтверждения семейного предложения требовалось действие взрослого заявителя. Рогова предложила прийти с отцом или матерью, пока время ещё есть.

— А если попросить отдельно? Оставить нам до ответа.

— Можете подать обращение. Продление вам сейчас никто не подтвердил. Рассчитывать нужно на ту дату, которая у вас указана.

На этом объяснение закончилось. Рогова спросила, будет ли Соня прикладывать письмо о подаче. Она ответила, что сначала поговорит с отцом, и убрала планшет. Женщина уже смот-

рела на следующий номер. В коридоре Соня всё же открыла форму личного обращения и попросила сохранить резерв до ответа колледжа. Указала свой контакт.

В коридоре оказалось теплее, чем у стола. Кто-то открыл входную дверь настежь; работник подложил под неё деревянный брусок. С улицы в помещение пошёл запах разогретой пыли. Соня встала возле окна и открыла переписку с отцом. Последним там было его утреннее сообщение: если пойдёт в магазин, взять пачку наждачной бумаги.

Она набрала: «Мне надо тебе сказать» — и стёрла. По телефону пришлось бы объяснять сразу. До мастерской было недалеко, но Соня убрала телефон в сумку и пошла за наждачной бумагой.

В школьную столовую она попала перед раздачей. Служебный вход был открыт, на ступеньках сохла половая тряпка. Изнутри доносился стук больших противней. Детям в дневной группе ставили столы у ближних окон; дальнюю половину зала отгородили стульями, чтобы не мыть всё помещение после каждого обеда.

Наталья вышла к дочери в фартуке, с ручкой за ухом. Увидев сумку, спросила, не собирается ли Соня куда-нибудь ехать. Та сказала, что носит планшет, и мать махнула ей на свободный стол: сесть, поесть, контейнеры забрать потом.

На тарелке оказалась гречка с подливкой. Дома её готовили реже, чем здесь, и Соня всегда выбирала куски без разваренной моркови. Сейчас выбирала так же тщательно. Мать раздавала еду и не замечала, как медленно дочь двигает вилкой.

Один из мальчиков остался за столом после остальных. За ним должны были прийти, но взрослый задерживался. Он положил подбородок на сложенные руки и смотрел на улицу; ворот слишком большой футболки съехал на плечо. Воспитательница несколько раз проверила телефон, потом сама взяла тряпку, чтобы помочь протереть столы.

Наконец в дверях появилась женщина с двумя сетками. Она забирала своего внука и этого мальчика тоже. Мать мальчика вышла в смену и отлучиться посреди рабочего дня не могла. Воспитательница объяснила, где оставили его ветровку, Наталья вынесла пакет с хлебом, который он забыл со вчерашнего полдника. Вся задержка закончилась за несколько минут. Мальчик оживился и первым выскочил на ступеньки.

Соня доела остывшую гречку. Ей пришло в голову, что мать и здесь знает, кто за кем ходит, у кого какая смена и кому надо позвонить. Показав вчера кухню с нишей под холодильник, она ни словом не обмолвилась о людях, которых здесь оставляла. Соня даже не спросила, кто заберёт мальчика после переезда этой женщины.

Потом мать села рядом и спросила про бюро.

— Уточняют документы, — сказала Соня. — Колледж ещё должен ответить.

Наталья переспросила, нужно ли ей прийти. Это был удобный момент. Мать сидела напротив, раздача закончилась, никто не торопил. Соня почувствовала, как в голове уже выстраиваются правильные первые слова. Потом за дверью попросили ключ от кладовой, мать приподнялась на стуле, и Соня успела сказать:

— Пока не надо. Я сама узнаю.

Контейнеры она унесла в отдельном пакете, чтобы не стукались о планшет. В мастерскую отдала бумагу и ушла прежде, чем отец закончил телефонный разговор. К вечеру объяснение уже превратилось в обычную задержку: данные сверяют, в бюро много людей, надо дождаться ответа. Родители знали, что проверка началась. О том, какие сведения проверяли, Соня не сказала.

На следующий день Рита позвала её разбирать шкаф. Соня согласилась сразу: дома она ходила из комнаты в кухню и всякий раз натыкалась взглядом на планшет.

У Корнеевых вещи сортировали прямо на полу. То, что оставляли, складывали в большие мягкие сумки; то, с чем собирались расстаться, лежало возле двери и мешало её закрыть. Рита нашла школьный жилет, подняла за плечики и проверила, налезает ли ещё. Нижняя пуговица

не застегнулась. Они засмеялись, потом Соня вспомнила, что жилет совсем недавно был ей нужен, и смех закончился.

Рита показывала угол комнаты на присланном родителям плане. Своего отдельного помещения у неё никогда не было: стол стоял в проходе к спальне младшего брата. На картинке нашлось место для стола у окна. Ни даты въезда, ни окончательного согласия семьи ещё не было, но Рита уже знала, с какой стороны ей нужен свет.

— Если получится, я этот шкаф вообще не повезу, — сказала она. — Пусть тут остаётся. Я от него дверь всю жизнь коленом закрываю.

Соня стояла возле того самого шкафа. На стенке остались их имена, нацарапанные циркулем много лет назад. Тогда Соня писала первую букву, а Рита отбирала у неё инструмент: боялась, что мать заметит. Сейчас подруга спокойно держала ладонь на царапине и выбирала, в какую сумку отправить свитер.

Можно было напомнить, что у нового жилья есть свои условия. Соня почти начала говорить про шесть лет, но вспомнила, что Рита знает не меньше её: родители тоже читали предложение. Подруга не выглядела обманутой. Это раздражало сильнее, чем если бы она жаловалась.

Они выбрали из школьных тетрадей листы с рисунками, которые Рита хотела оставить. Остальное она разрешила перевязать и унести на сбор бумаги. Соня несколько раз тормозила работу, находя записи, которые ещё надо было перечитать. К концу Рита молча забрала у неё стопку и довязала сама.

Дома отец ждал её на крыльце с планшетом. На экране было открыто семейное дело, но только общая страница.

— Здесь подтверждение так и не открылось. Что тебе сказали?

— Ждут сверку.

— Я завтра после работы зайду. Надо понять, что там ещё.

Соня увидела завтрашний день целиком: он заканчивает заказ, моется в умывальнике, идёт через Транспортную и входит в бюро после полудня. Всё это ещё можно было изменить одним предложением. Рогова назвала точный час, и Соня помнила его без экрана.

— На время проверки место за нами остаётся, — сказала она. — Там же не наше решение задерживается.

Отец провёл пальцем по строке статуса. Полную анкету он не открыл. Попросил Соню проверить утром, не пришёл ли ответ, и вернул планшет.

Она отнесла его в комнату. В поступившем из бюро уведомлении снова стояли прежние дата и время. Сообщения шли на её адрес, который она указала, заполняя учебную часть; отец видел только состояние общего дела. Соня прочла уведомление до конца. Письмо колледжа заново открывать не стала.

За стеной родители выбирали, что продать перед переездом. Мать хотела оставить одну из старых сумок: на первое время ещё пригодится. Соня сидела над своим эскизом. В линии крепления нужно было разобраться, но взгляд всё время возвращался к часам в углу экрана.

Глава 3 Освободившееся место

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.